

То, что этот мир не такой, как он привык, Фугаку понял с самого начала, когда шел вместе с обозом и костры разжигали без помощи спичек. Здесь существовали суперспособности, в которых он пытался разобраться до сих пор. К примеру, его клан специализировался на гендзюцу, но был неплох и в ниндзюцу, кендзюцу и стихийных техниках. Тогда как Яманака (клан интересовавший его очень сильно) занимались работой с мозгами человека... это если грубо. Хьюга (его до сих пор пробирает при воспоминании их глаз) — видели чакру других ниндзя. Абураме, Инзука и Хатаке — были основными кланами, которые специализировались на своих действиях в паре с питомцем... в случае Абураме — питомцами. Акаичи увеличивали размер тела. А Нара славились своим гениальным умом, сродством с тенью и поразительной ленью.

Помимо "клановых" ниндзя существовали и бесклановые, то есть те, у кого особо примечательных способностей помимо стандартных не было. К примеру, бесклановый никогда не сможет использовать фамильную штучку Учиха или Абураме, если, конечно, не найдет способ как достигнуть эффекта без сродства с вышеназванными. Были и еще одни личности, обладающие улучшенным геномом. В особенностях их положения в обществе Джонатан еще не до конца разобрался, но расшифровка их звания выглядела примерно так: люди, обладающие способностями своего клана, но с некоторыми более выраженными или совершенно новыми возможностями и частями.

Ну и конечно же — гражданские. Не являющиеся ниндзя, но тем не менее живущие такой же полноценной жизнью, что и все остальные. Слабее? Да. Но что есть, то есть.

Ну и заправляет всем этим балом — чакра. О ней Джонатан слышал от всяких шарлатанов еще в своей реальности, так что значение примерно понимал. Это было что-то вроде внутренней, духовной силы, овладеть которой было ой как непросто. Ну и спасибо китайским новеллам со всеми их внутренними мирами, сосудами и царствам души, которые хорошо развили фантазию тогда еще пятнадцатилетнего Сальери. Поэтому перерыв клановую библиотеку, прочитав на досуге детские пособия и порывшись в памяти Фугаку, Джонатан вполне себе смог представить этот праздник силы внутри себя. Сразу вспоминался Магистр Йода со своими размышлениями о величии Силы.

Отчасти именно так дело и обстояло, а недостающие фрагменты живо дорисовывала фантазия парня. В свободное время (поздно вечером после возвращения) с самого прибытия он только и занимался, что разбирал чакру на множество ее составляющих и составил целые таблицы, исписал кучу свитков, пока до него дошло в той полной мере, когда пора переходить к практике.

Джонатан раскрыл один из своих свитков, решив пробежаться по тексту глазами еще раз, прежде чем начать экспериментировать. Ярко-красная пометка сообщала о важности информации, а приписка «Чакра. Резерв» — о содержании.

Из того, что понял Сальери, исходило следующее. Каждый ниндзя имеет свой объем чакры и резерв, которые по всем описаниям очень походили на своеобразное сердце любого шиноби. Фактически это было внутреннее сосредоточение излишка чакры, что образовывало такое себе небольшое озерцо. Также эти самые объемы можно вычислить, рассчитать и понять, как лучше использовать, чтобы быстро не потратить. Условной (и наименьшей) единицей расчета объема был иероглиф «ген», т.е. нижний, самый первый уровень. Следом шел «чуу» — «средний»,

который определял как заполнение, так и само количество чакры в резерве. Один «чуу» = двенадцать «ген». Это как в умножении и сумме. Ведь если с «ген» пример выглядел бы как «2+2+2», то в «чуу» — «2х3».

Также (спустя несколько ошибочных расчетов) выяснилось, что резерв и очаг чакры две разные вещи. Очаг — это как источник, который может засечь любой сенсор (что-то вроде внутреннего радара у некоторых шиноби), а резерв — это окружающее очаг озеро. То есть как с рекой: есть источник и есть русло, дельта и все остальное. Без очага резерва не будет. К тому же физическое состояние тела связано с генерированием в очаге чакры, а это тоже обламывало всю малину. Это как все в той же реке: если русло каменистое, извилистое и расположено так, что вода быстро испаряется, то сколько бы источник не работал, воды всегда будет не хватать. Или как если к реке "присасывается" какое-нибудь сельскохозяйственное производство, то в мире чакры это равносильно повреждению какого-нибудь канала, из которого "вода" утекает.

Плюс не стоило забывать и о такой вещи, как скорость восстановления резерва. То есть вот ты потратил всю воду из графина, и теперь туда надо налить новую. И каждый резерв наполняется со своей скоростью. Однако это уже такие дебри, в которые Джонатан решил слазить потом. Сейчас ему хватало информации и о том, что скорость равна одному «чуу» в час, и выжимать себя досуха очень и очень не рекомендуется. Сюда же относились и «чакрозатраты» с «контролем чакры». Поэтому Джонатан, тяжело вздохнув, открыл другой свиток, в котором указывались простейшие техники и методы применения чакры. Ну что ж тело, прошу, не подводи (все же Фугаку не инвалид, и до смерти пользовался чакрой вполне активно).

Первое задание: заставить свиток прилипнуть ко всей поверхности столика, а сам столик к ладоням Джонатана. Ведь зачем размениваться на такую мелочь, как прилипание ручки к собственной ладони.

То, что Фугаку возобновил свои тренировки, не могло не радовать Микото и Итачи. И если сын волновался вполне заметно, вываливая свои переживания на мать, то Микото предпочитала загонять страх и волнение подальше. Тренировки — неотъемлемая часть жизни любого шиноби, и в том количестве, которые сейчас были у Фугаку они были... неэффективны. Именно это заставляло молодую супругу главы с затаенной тревогой посматривать на мужа и, когда спустя две недели после возвращения в Коноху, она почувствовала целенаправленное движение чакры мужа, то... обрадовалась?

Этот Фугаку был до поразительного странным, более рассудительный и хладнокровный, он иногда задавал самые нелепые вопросы. Однако Микото не могла не признавать, что ему удалось наладить быт их клана в самые короткие сроки, максимально стирая все последствия войны. Он постоянно держал рядом с собой двоих (самых толковых) помощников, натаскивая по тем пунктам, которые считал необходимым. Во время работы был предельно собран, язвителен и строг, зато во время перерывов (в которые Микото приходила в центральное здание клана, принося ему обед) шутил, веселился и вел себя совсем не как глава. Он постоянно учился, и такая страсть к учебе завлекала и ее саму. Библиотека претерпела нашествие Фугаку, значительно обеднев на свитки, которые глава перенес в свой кабинет (те,

конечно, возвращались на свои места, но сам факт). И если бы не полное отсутствие тренировок (пробежки и приседания с отжиманиями не в счет), то Микото бы вдохнула полной грудью.

Поэтому сейчас, когда на часах уже три ночи, Итачи мирно спит в своей комнате, домашние дела сделаны, а свет в домашнем кабинете Фугаку горит по-прежнему, Микото, с подносом чая и угощений, идет к нему. Однако она не ждет, что он уже будет стоять возле двери, ожидая ее. Как и прежде донельзя внимательный к мелочам.

Забирая из ее рук поднос, Джонатан невольно улыбнулся. Ни мама, ни Анджелина никогда не заботились так о нем, даже в моменты, когда такая забота была ему необходима. Они любили его, старались проявить внимание, но видимо менталитет в Америке и воспитание сыграло свою роль. Японцы более лояльны друг ко другу и, хотя в их стране правило: «личное пространство человека неприкосновенно» развито гораздо больше, чем в США, традиционное воспитание все же больше акцентирует внимание на то, что жена в первую очередь помощник и поддержка мужа. А Микото делала даже сверх этого.

— Спасибо. — Он пропускает ее первой в кабинет, уже после заходя и закрывая дверь. Она в ответ недоуменно поднимает брови и садится уже на привычное место возле его стола.

Поднос с ароматным чаем опускается среди свитков, ручек, докладов и книг, а теплый свет светильников создает свою, удивительную атмосферу. Он возвращается к чтению отчетов (как бы он не храбрился, а работы все равно было очень и очень много), а она наводит порядок у него на столе, сортируя и раскладывая так, чтобы он не запутался. Идиллия.

<http://tl.rulate.ru/book/38968/845946>